

ХРОНИКА ЦАРСТВОВАНИЯ КАРЛА IX

1829, выдержки Дятловых от 03.09.2022, 1–10/267=96%

1. За последнее время я прочитал довольно много мемуаров и памфлетов, относящихся к концу XVI века. Мне захотелось сделать экстракт прочитанного, и я его сделал.
2. В истории я люблю только анекдоты, а из анекдотов предпочитаю такие, в которых, как мне подсказывает воображение, я нахожу правдивую картину нравов и характеров данной эпохи. Страсть к анекдотам нельзя назвать особенно благородной, но, к стыду своему, должен признаться, что я с удовольствием отдал бы Фукидида за подлинные мемуары Аспазии или Периклова раба, ибо только мемуары, представляющие собой непринужденную беседу автора с читателем, способны дать изображение человека, а меня это главным образом занимает и интересуется.
3. Мне представляется любопытным сравнить тогдашние нравы с нашими и обратить внимание на то обстоятельство, что сильные чувства выродились, зато жизнь стала спокойнее и, пожалуй, счастливее. Остается решить вопрос: лучше ли мы наших предков, а это не так легко, ибо взгляды на одни и те же поступки с течением времени резко изменились.
4. В иных случаях, если убийство совершалось из чувства правой мести, то об убийце говорили, как говорят теперь о порядочном человеке, убившем на дуэли подлеца, который нанес ему кровное оскорбление.
5. Вот почему я убежден, что к поступкам людей, живших в XVI веке, нельзя подходить с меркой XIX. Что в государстве с развитой цивилизацией считается преступлением, то в государстве менее цивилизованном сходит всего лишь за проявление отваги, а во времена варварские, может быть, даже рассматривалось как похвальный поступок. Суждение об одном и том же деянии надлежит, понятно, выносить еще и в зависимости от того, в какой стране оно совершилось, ибо между двумя народами такое же точно различие, как между двумя столетиями.
6. А между тем что может быть ужаснее совершенного с заранее обдуманном намерением убийства беззащитных людей? Но все дело в том, что подобного рода ловушки узаконены местными обычаями и объясняются невозможностью выйти из положения иначе.
7. Если бы в распоряжении одного министра, которого я здесь называть не стану, находились албанцы, готовые по его приказу кого угодно расстрелять, и если бы во время одного из званых обедов он отправил на тот свет наиболее видных представителей оппозиции, то фактически его деяние ничем бы не отличалось от деяния египетского паши, а вот с точки зрения нравственной оно в сто раз более преступно. Убивать — это уже не в наших нравах. Но тот же самый министр уволил многих либеральных избирателей, мелких правительственных чиновников, запугал других, и выборы прошли, как ему хотелось. Если бы Мехмет-Али был министром во Франции, он бы дальше этого не пошел, а французский министр, очутившись он в Египте, непременно начал бы расстреливать, оттого что увольнения не произвели бы на умы мамелюков должного действия.
8. Варфоломеевская ночь была даже для того времени огромным преступлением, но, повторяю, резня в XVI веке — совсем не такое страшное преступление, как резня в XIX. Считаем нужным прибавить, что участие в ней, прямое или косвенное, приняла большая часть нации; она ополчилась на гугенотов, потому что смотрела на них как на чужестранцев, как на врагов.
9. По моему глубокому убеждению, резня была непреднамеренной, и мне непонятно, что заставляет придерживаться противоположного мнения авторов, которые, однако, сходятся на том, что Екатерина — женщина очень злая, но что это один из самых глубоких политических умов XVI века.
10. Ясно, что король, у которого было ровно столько же оснований опасаться Гизов, сколько и протестантов, должен был постараться укрепить свою власть, сталкивая между собой эти два враждебных лагеря. Раздавить один из них — значило отдать себя на милость другому.

Система балансирования была уже тогда достаточно известна и применялась на деле. Еще Людовик XI говорил: «Разделяй и властвуй».

11. Для того чтобы с ними покончить, потребовался бы всего один день. Именно так замыслил истребить евреев Ассуэр.
12. Следовательно, если бы католический заговор действительно существовал, то ясно, что католикам надлежало принять две наиболее срочные меры: 24 августа захватить Ла-Рошель и держать целую армию на юге Франции с целью помешать объединению реформатов
13. Далее: за два дня до Варфоломеевской ночи произошло убийство Колиньи — не отмечает ли оно окончательно предположение о заговоре? К чему убивать главаря до всеобщего избиения? Не значило ли это вспугнуть гугенотов и заставить их быть начеку?
14. Значит, только смерть Колиньи, только его одного, была нужна для укрепления власти Карла IX, который, вероятно, помнил слова герцога Альбы: «Голова одного лосося стоит больше, чем десять тысяч лягушек».
15. Строгость тайны, в которую был облечен заговор, а также тот факт, что, хотя в заговор было втянуто множество людей, никто этой тайны не выдал, объясняется весьма просто: после возникновения замысла и до его осуществления прошло всего лишь несколько часов. Если бы дело обстояло иначе, это было бы нечто из ряда вон выходящее, ибо в Париже любой секрет распространяется мгновенно.
16. Но особенно, должно быть, пострадала от разбушевавшихся гражданских и религиозных страстей несчастная мадонна. Следы пуль, повредивших статую местях в двадцати, свидетельствовали о той ярости, с какой гугеноты разрушали «языческие кумиры», — так они называли подобные изображения. Набожный католик, проходя мимо статуи, из чувства благоговения снимал шляпу, а всадник-протестант почитал своим долгом выстрелить из аркебузы, и если попадал, то испытывал такое же точно удовлетворение, как будто он сокрушил апокалипсического зверя или же искоренил идолопоклонство.
17. В то жестокое время — все равно, мирное или военное — вооруженное войско всегда находилось на иждивении местных жителей, и это установление никто не решался оспаривать.
18. — Протестант в зеленом бархатном камзоле! Гугенот в испанских брыжах! Нет, это вздор! Меня, молодой барин, не обманешь: еретики так нарядно не одеваются. Пресвятая Дева! Камзол из самолучшего бархата — это будет слишком жирно для таких голодранцев, как они!
19. И если бы молодой человек не пошел за ним поглядеть, как он будет обращаться с конем, бедное животное, вне всякого сомнения, было бы не накормлено на том основании, что конь еретика тоже еретик.
20. Гиз плелся сзади с видом побитой собаки.
21. — Да, конечно, дисциплина нужна. Но ведь и то сказать: доля солдата нелегкая, так если ему в кои-то веки представится случай весело провести время, то запрещать ему веселиться не следует.
22. Говорит: «Мародерку, — прости, господи, мое согрешение, — надо уничтожить, пока она еще девочка, а если она при нашем попустительстве превратится в важную даму, то она всех нас уничтожит».
23. Он пристально смотрел на капитана и, казалось, испытывал некоторое смущение оттого, что находится в обществе человека, который вполне заслужил виселицу, но в то страшное время преступления совершались на каждом шагу, и за них нельзя было судить так же строго, как судили бы мы за них теперь. Жестокости одного лагеря до известной степени оправдывали ответные меры, ненависть на религиозной почве почти совершенно заглушала чувство национального единства.
24. Да тут еще винные пары, которые на его юные мозги оказывали более сильное действие, нежели на чугунные головы рейтаров, — все это заставляло его относиться сейчас к своим собутыльникам в высшей степени снисходительно.
25. Да уж, в Лоньяке мы пограбили так пограбили! Вспомнишь — слюнки текут.

26. — Любо-дорого было смотреть на моих аргулетов! — воскликнул капитан. — Они в церковном облачении коней поить водили. Наши кони ели овес на престолах, а мы пили славное церковное вино из серебряных чаш!
27. Сташил я с него камзол, и что же бы вы думали, я нашел у него на брюхе? Большой лоскут шелка, на котором были вытканы имена святых. Он надеялся, что это уберезет его от пули. Черта лысого! Я ему доказал, что нет такой ладанки, через которую не прошла бы протестантская пуля.
28. Съесть в амбаре целый мешок зерна было для них так же просто, как для меня выпить стакан этого доброго вина.
29. Цыганка обвела глазами слушателей — ей хотелось угадать по выражению лиц, какое впечатление произвел ее рассказ.
30. — Но вот что любопытно, — снова заговорила Мила, — в это же время далеко от Гамельна, в Трансильвании, появились какие-то дети: они хорошо говорили по-немецки, только не могли объяснить, откуда они пришли. Все они женились на местных уроженках и научили родному языку своих детей — вот почему в Трансильвании до сих пор говорят по-немецки.
31. — Что ты сказал, подлец? — вскричал Мержи, тем сильнее разъярясь, что в глубине души чувствовал справедливость упреков трактирщика. Как всякий виноватый человек, он хватал за вихор представлявшийся ему удобный случай поругаться.
32. — Рейтары, рейтары!.. — сказал он. — Не так-то просто с них получить. Капитан дал мне три ливра, а юнкер дал мне пинка.
33. Но трактирщик из презрения не протянул за ней руку, и монета упала на пол.
34. Мержи задыхался от бешенства; он не знал, на ком сорвать зло.
35. Мержи понял, что эта сволочь перестанет над ним потешаться не прежде, чем он отсюда уедет.
36. Он было вознамерился отомстить за это мощными ударами сабли плашмя.
37. Мержи сызмала привык видеть во всем хорошую сторону, и теперь ему тоже стало казаться, что он еще счастливо отделался: ведь его могли обобрать до нитки, могли даже убить, а ему все-таки оставили один золотой, почти все пожитки, оставили коня, правда, убогого, однако способного передвигать ноги. Сказать по совести, воспоминание о хорошенькой Миле не раз вызывало у него улыбку. Когда же он, проведя несколько часов в пути, позавтракал, то уже с умилением думал о том, как деликатно поступила эта честная девушка, вытащившая у него из кошелька, в котором лежало двадцать экю, всего лишь восемнадцать. Труднее было ему примириться с потерей превосходного солового коня, однако он не мог не признать, что закоренелый грабитель на месте трубача увел бы у него коня без всякой замены.
38. — Это один из самых славных наших записных, — отвечал Ренси. — Так как вы из провинции, то я вам сейчас объясню значение этого словца. Записной дуэлист — это человек безукоризненно светский, человек, который дерется, если кто-нибудь заденет его плащом, если в четырех шагах от него плюнут и по всякому другому столь же важному поводу.
39. Ссора и последовавшая за ней дуэль не по правилам были для того времени явлением обычным. Обидчивая чувствительность дворянства приводила всюду во Франции к роковым последствиям: при Генрихе III и Генрихе IV дуэльное бешенство отправляло на тот свет больше дворян, нежели десятилетняя гражданская война.
40. — Ну, конечно, куда приятнее верить в чистилище, в таинство исповеди, в непогрешимость папы!
41. — Послушай, Бернар: я ненавижу всякие споры, а тем более споры о религии.
42. — Паписты! Гугеноты! И тут, и там суеверие. Я не умею верить в то, что моему разуму представляется нелепостью.
43. — Не надо мне никаких проповедей. Я знаю заранее, что ты мне будешь говорить. У меня тоже были свои надежды, свои страхи. Ты думаешь, я не делал огромных усилий, чтобы сохранить отрадные суеверия моего детства? Я перечел всех наших богословов — я искал у них разрешения обуревавших меня сомнений, но сомнения мои после этого только усилились. Словом, я не мог, я не могу больше верить. Вера — это драгоценный дар, и мне в нем отказано, но я ни за что на свете не стал бы лишать его других. — Мне жаль тебя. — Ну

- что ж, по-своему ты прав... Когда я был протестантом, я не верил проповедям; когда же я стал католиком, я не уверовал в мессу. Да и потом, разве ужасов гражданской войны, черт бы ее побрал, не достаточно для того, чтобы искоренить самую крепкую веру?
44. — Ты повторяешь чужие слова, и, представь себе, они меня не убеждают.
45. — Он умер, и вы сделали из него героя. Так всегда бывает на свете.
46. — Ну так вот: стало быть, я католик, — более спокойным тоном заговорил Жорж. — Религия как религия. С католическими святошами ладить легко. Посмотри на эту красивую мадонну. Это портрет итальянской куртизанки. Ханжи приходят в восторг от моей набожности и крестятся на мнимую богоматерь. С ними куда легче сторговаться, нежели с нашими пасторами, — это уж ты мне поверь. Я живу, как хочу, и лишь время от времени делаю весьма незначительные уступки черни. От меня требуется, чтобы я ходил в церковь? Я и хожу кое-когда, чтобы посмотреть на хорошеньких женщин. Надо иметь духовника? Ну уж это дудки! У меня есть славный францисканец, бывший конный аркебузир, и он за одно эку не только выдаст мне свидетельство об отпущении грехов, но еще и передаст от меня любовные записки своим очаровательным духовным дочерям. Черт побери! Да здоровствует месса!
47. Капитан раскрыл ее и, улыбаясь, снова протянул Бернару. Тот прочел на первой странице: Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, сочиненная магистром Алькофрибасом, извлекателем квинтэссенции.
48. — Автор этой книги был, говорят, человеком очень знающим, однако знания не пошли ему на пользу.
49. — Сделанного не воротишь, — подавив вздох, проговорил он. — А может, я все-таки когда-нибудь вновь обращусь в протестантскую веру, — уже более веселым тоном добавил он. — Ну, довольно! Обещай не говорить со мной больше о таких скучных вещах.
50. Ты будешь участвовать в походе, как и все мы, под знаменем адмирала, но, по крайней мере, не будешь ничьим лакеем.
51. — Узнаю вас, господа гугеноты! Проповедуете единение, а сами держите камень за пазухой.
52. — Пойдем, черт возьми, послушаем проповедь! — вскричал капитан. — Я убежден, что тебя это позабавит.
53. — Святая вода вызывает во мне такое неодолимое отвращение, что я, кажется, ни за что на свете одного пальца бы в нее не окунул.
54. Францисканец в ответ на эту шутку хитро подмигнул, и в его прищуре лучились гордость и удовольствие, которое он испытывал оттого, что ему приписывают порок, присущий людям молодым.
55. — Какую угодно, — сказал монах, — но только думайте скорей, черт бы вас подрал! Мне давно пора быть на кафедре. — Ах, чума вас возьми, отец Любен! Вы ругаетесь не хуже короля! — вскричал капитан.
56. — А почему бы и не ругнуться, коли припадет охота? — расхрабрился отец Любен.
57. «Какие прекрасные слова! — думаете вы. — Теперь нам остается только сложить ручки и веселиться. Этого гадкого адского пламени нам бояться нечего. Правда, есть еще огонь чистилища, ну да это все равно что ожог от свечки, его можно залечить мазью из десятка месс. А коли так — давай жрать, пить, путаться с девками!»
58. Стало быть, вы воображаете, господа еретики, гугенотствующие гугеноты, вы воображаете, что спаситель наш изволил взойти на крест ради вашего спасения? Нашли какого дурака! Нет уж, держите карман шире! Стал бы он из-за такой сволочи проливать свою святую кровь! Это все равно что, извините за выражение, метать бисер перед свиньями. А спаситель наш, как раз наоборот, метал свиней перед бисером: ведь бисер-то находится в море, а спаситель наш ввергнул в море две тысячи свиней. *Et esse impetu abiit totus grex praeseps in mare.* Счастливого пути, господа свиньи! Вот бы всем еретикам последовать за вами!
59. Я вижу, как он выходит на место дуэли: на животе у него Чревоугодие — вот его панцирь; шпоры заменяет ему Лениость; у пояса — Любострастие, это опасная шпага? Зависть — его кинжал; на голове он носит Гордыню, как латник — шлем; в кармане у него — Скупость, так что он всегда может воспользоваться ею в случае надобности; что же касается Гнева купно с

поношениями и тем, что гнев обыкновенно порождает, он держит все это во рту, из чего вы можете заключить, что он вооружен до зубов.

60. Христианин же, заметив, что его сейчас ударят в живот Чревоугодием, парирует удар Постом.
61. Тут проповедник отстегнул распятие и для большей наглядности давай им фехтовать, нанося и парируя удары, — ни дать ни взять учитель фехтования, показывающий наиболее трудные приемы.
62. — Сатана после отхода обрушивает на вас сильный прямой удар Гневом, а затем, прибегнув к обману при помощи Лицемерия, наносит вам удар с квартиры Гордыней. Христианин сперва прикрывается Терпением, а затем отвечает на удар Гордыней ударом Смирения. Сатана, в бешенстве, колет его сперва Любострастием, однако ж, видя, что его выпад отпарирован Умерщвлением плоти, стремительно кидается на противника, дает ему подножку с помощью Лености, ранит его кинжалом Зависти и в то же время старается поселить в его сердце Скупость. Тут христианину нужно твердо стоять на ногах и смотреть в оба. Труд предохранит его от подножки Лености, от кинжала Зависти — Любовь к ближнему (весьма нелегкий парад, братья мои!). А что касается поползновений Скупости, то одна лишь Благотворительность способна от них защитить.
63. А Коменж ему страшно не понравился, хотя он и не отдавал себе отчета — чем именно. Его возмущало, что этот хилый человечек уже составил себе такое громкое имя.
64. А так как дьявол всегда тут как тут, то Бернару припомнилась притча о блудном сыне, но только заключение вывел он из нее престранное: обращенному гугеноту возрадуются более, чем никогда не колебавшемуся католику.
65. — Вы должны радоваться, молодой человек, что вам не пришлось проливать кровь своих сограждан, — строго сказал Колиньи. — Слава богу, — добавил он со вздохом, — гражданская война кончилась, верующим стало легче, так что вы счастливее нас: вы обнажите шпагу только против врагов короля и отчизны.
66. — Он храбрый солдат, — продолжал адмирал, — но что такое смелость, если у человека нет страха божьего? Молодой человек! У вас в семье есть пример, достойный подражания, и есть пример, недостойный подражания.
67. — Что за человек? Приблизительно такой же, как все прочие: чуточку больше честолюбия и чуточку больше терпения, нежели у моего лакея, разница только в происхождении. Ему очень повезло, что он сын Шатильона. — Значит, по-твоему, происхождение обучило его военному искусству? Значит, благодаря происхождению он стал первым полководцем нашего времени?
68. Сперва опишите его костюм, а потом опишите его наружность и, наконец, нравственный его облик. Теперь это проторенная дорога всех романистов.
69. И все же в глазах его не прочтешь: ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ или что-нибудь в этом роде. Нет, нет! Выражение лица у него не столько жестокое и свирепое, сколько глупое и беспокойное.
70. — Как видно, вы их знаете лучше меня. Я буду рассказывать о своем друге Мержи. — Пожалуй, я не найду в вашем романе того, что мне бы хотелось найти. — Боюсь, что не найдете.
71. — Я спрашиваю только из любопытства. Пусть меня черт возьмет, если я придаю хоть какое-нибудь значение тому, какую веру исповедуют преданные мне люди.
72. Я расскажу только об одной красавице, состоявшей при дворе, столь обильном красавицами.
73. — Это злая шутка — вот что я вам скажу, капитан. Об умерших дурно не говорят.
74. — Господин де Мержи! С вами я не имею чести быть близко знаком, но с вашим братом мы большие друзья, и он может подтвердить, что я по мере сил следую Христовой заповеди прощать обиды. У меня нет никакого желания стравливать вас, но в то же время я почитаю за должное обратить ваше внимание на то, что Коменж толкнул вас не неумышленно. Он толкнул вас потому, что хотел нанести вам оскорбление. Даже если б он вас не толкнул, он все равно вас унизил: подняв перчатку Тюржи, он отнял право, принадлежавшее вам. Перчатка лежала у ваших ног, ergo, вам одному принадлежало право поднять ее и отдать...

- Да вот, посмотрите туда! Видите в самом конце галереи Коменжа? Он показывает на вас пальцем и смеется над вами.
75. — Надеюсь, он передо мной извинится. — Об этом вы лучше и не мечтайте, дружище. Коменж еще ни разу не сказал: «Я был не прав». Впрочем, он человек порядочный и, разумеется, даст вам удовлетворение.
76. — Славу приносит только та рана, которую человек получил на поле боя. А раны, полученные на дуэли, — это совсем другое дело. Они ничего, кроме презрения, во мне не вызывают.
77. — Да будет вам известно, что у женщины не спрашивают, с какой целью она что-нибудь делает. По крайней мере, так принято у людей благовоспитанных.
78. — Гугенот, сударыня, — отвечал он серьезно; так он всегда отвечал на этот вопрос. — Значит, поединок должен быть для вас еще страшнее. — Осмелюсь спросить: почему? — Подвергать опасности свою жизнь — это еще ничего, но вы подвергаете опасности нечто большее, чем жизнь, — вашу душу. — Вы рассуждаете, сударыня, исходя из догматов вашего вероучения, догматы нашего вероучения более утешительны.
79. — Перестаньте! С гугенотом нельзя затеять минутный разговор, чтобы он по любому случайному поводу не начал отчитывать вас от Писания. — Это потому, что мы читаем Писание, а у вас священники — и те его не знают.
80. — У него были основания для того, чтобы стать католиком, а у меня свои основания для того, чтобы оставаться протестантом.
81. Между тем при дворе он был всего несколько часов, и его совесть — совесть провинциала была еще ужасно щепетильна.
82. Король с охотничьим ножом в руке ловко соскочил с коня и, подкравшись сзади, перерезал у оленя сухожилия. Олень издал нечто вроде жалобного свиста и тотчас же рухнул. Собаки бросились на него. Они вцепились ему в голову, в морду, в язык, так что он не мог пошевелиться. Из глаз его катились крупные слезы. — Пусть приблизятся дамы! — крикнул король. Дамы приблизились; почти все они сошли с коней. — Вот тебе, парпайо! — сказал король и, вонзив нож оленю в бок, повернул его, чтобы расширить рану. Мощная струя крови залила королю лицо, руки, одежду.
83. Насладившись приятным зрелищем, какое являли собой собаки, пожиравшие внутренности оленя, двор поехал обратно в Париж.
84. Ему уже не раз приходило на ум, что приступ лихорадки — это начало серьезного заболевания, которое спустя несколько часов усилится и прикует его к постели. Что тогда будет с его честью? Что станут о нем говорить, особенно г-жа де Тюржи и Коменж? Он дорого дал бы за то, чтобы приблизить условленный час дуэли.
85. Старался за бессодержательным разговором скрыть от собеседника истинные свои чувства.
86. — Ты сумасшедший, да к тому же еще и дурак, — холодно сказал капитан.
87. У человека храброго бледность является признаком дикой злобы.
88. — Какая тут, к черту, помощь! Вы его так угостили, что он уже ни в чем больше не нуждается. Клинок вошел в мозг, удар был нанесен такой крепкой, такой уверенной рукой, что... Взгляните на бровь и на щеку — чашка кинжала вдавилась, как печать в воск.
89. Он снял часы и, рассудив вслух, что брат Коменжа и так теперь разбогатеет, а ему хочется взять что-нибудь на память о друге, положил их к себе в карман.
90. Потрудитесь на славу, так, чтобы девять месяцев спустя вы могли подарить государству нового подданного взамен того, которого оно из-за вас утратило. Таким образом, мир ничего не потеряет по вашей вине.
91. Одна лишь маркиза де Буасьер не захотела, чтобы ей спас жизнь гугенот, и храбро предпочла умереть. Спорю на десять пистолей, что она теперь в раю.
92. Ну ничего! Хлопочите через Шатильона. Король согласится помиловать: ведь он что воск в руках адмирала.
93. Если человек убил другого и если это первое на его душе убийство, то потом в течение некоторого времени убийцу мучает, преимущественно с наступлением ночи, яркое воспоминание о предсмертной судороге. В голове полно мрачных мыслей, так что трудно,

очень трудно принимать участие в разговоре, даже самом простом — он утомляет и надоедает. А между тем одиночество пугает убийцу, ибо в одиночестве гнетущие мысли приобретают особую силу.

94. Еще и двух лет не прошло с тех пор, как утихла гражданская война, а они уже забыли о потоках пролитой ими крови! Им все еще мало. Им нужно, чтобы французы каждый день истребляли французов!
95. Он повернул своего окровавленного, взмыленного коня и двинулся по направлению к Парижу. — Бедный ты мой друг! — сказал он ему с горькой усмешкой. — Свою обиду я вымещаю на тебе.
96. У мужчин, разговаривавших с ним, из-под личины заискивающей учтивости проглядывала зависть. Дамы не спускали с него глаз и заигрывали с ним: репутация дуэлиста являлась в те времена наиболее верным средством тронуть их сердца. Если мужчина убил на поединке трех-четыре человека, то это заменяло ему и красоту, и богатство, и ум.
97. — Дело твое. Храни свою тайну. Но только я ручаюсь, что тебе так же хочется рассказать, как мне услышать.
98. Бернар ушел к себе в комнату и, по крайней мере, четыре часа причесывался, завивался, душился и составлял в уме красивые фразы, с которыми он собирался обратиться к прелестной незнакомке.
99. — Полюбить вас!.. Как же, черт возьми, я могу полюбить вас не видя? — У меня красивая рука. Вообразите, что у меня такое же красивое лицо.
100. — Ее поступок вам представляется... ужасным? — Признаться, я ее оправдываю. Говорят, она любила мужа, а ревность вызывает во мне уважение.
101. — Как же так? — сказал он. — Вы, испанка, не уважаете чувство ревности?
102. — Ладанка. — Я считала вас протестантом. — Да, я протестант. Но ладанку дала мне одна дама, и я ношу ее в память о ней.
103. — Вы мне надоели с вашей Тюржи! Любите ее на здоровье, мне-то что!
104. Госпожа де Шатовье прочла записку, засмеялась и передала одному из кавалеров, тот передал другому, и скоро во всей галерее не осталось человека, который не знал бы, что к Мержи неравнодушна какая-то испанка.
105. Быть может, Маргарита держала около себя это чудище, чтобы при сопоставлении резче означились ее прелести, — так художники писали красавицу вместе с уродливым карликом.
106. Так вы, значит, любитель древностей?
107. Тут вдруг в конце галереи показался король, шутки и смех разом стихли. Все спешили уступить ему дорогу, говор сменился молчанием.
108. Внезапно король в бешенстве швырнул перо на пол, и с языка у него сорвалась непристойная брань.
109. Чертова рифма! — воскликнул он, топнув ногой, и вслед за тем раздалось звяканье длинных шпор, которые он носил на ботфортах.
110. Извините, Жорж! От этой... рифмы меня в пот ударило.
111. Да, правда, мне говорили, что ты лихой конник. Скажи-ка, а из аркебузы ты хорошо стреляешь? — Да, государь, недурно, хотя, конечно, до вашего величества мне далеко. Такое искусство не всем дается
112. И он же тебя оскорбил, черт возьми, смертельно оскорбил, как мне передавали! — продолжал король. — Дворянин — не лакей: есть вещи, которые нельзя простить даже государю.
113. Клянусь потрохами папы, самое драгоценное, что есть у дворянина, — это его честь, и ради того, чтобы смыть с нее пятно, он не должен останавливаться ни перед чем. Притом Шатильоны надменны и нахальны, как подручные палача. Я же знаю: эти мерзавцы с наслаждением свернули бы мне шею и сели на мое место... При виде адмирала я иной раз готов выщипать ему бороду!
114. Мой кузен Гиз был бы тебе благодарен, ты бы этим много поспособствовал умиротворению страстей в моем королевстве. Получается, что король Франции не столько я, сколько этот безбожник, понимаешь? В конце концов, мне это надоело... Я говорю тебе напрямик: нужно

- отучить этого... дырявить честь дворянина. Он тебе дырявит честь, а ты ему продырявь шкуру — долг платежом красен.
115. — Убийство из-за угла не сшивает чести дворянина, оно только еще сильнее разрывает ее.
116. Выстрелом из аркебузы его ранил негодяй по имени Морвель, которого за это прозвали убийцей на службе у короля.
117. Юный гугенот, открыто глумившийся над всеми католическими обрядами, теперь ходит в церковь, участвует в процессиях, даже окунает пальцы в святую воду, а ведь еще так недавно он считал это чудовищным кошунством.
118. Он ходил с графиней в церковь, что правда, то правда, но, ставши рядом, всю обедню, к вящему неудовольствию святош, шептал ей что-то на ухо. Мало того что он сам не внимал богослужению, он отвлекал истинно верующих.
119. Ах, если б мне удалось тебя спасти, как бы я была счастлива! Знаешь, Бернардо: ради твоего спасения я согласилась бы пробыть в чистилище вдвое дольше того, что мне предназначено.
120. Но если б я сумела спасти твою душу, мне отпустились бы все мои грехи. Все те, которые мы с тобой совершили вместе, все те, которые мы с тобой, возможно, еще совершим... все было бы нам отпущено. Этого мало, наши грехи послужили бы к нашему спасению!
121. Даже и не думай, Бернар! Упаси бог! Я не еретичка, я Священного Писания не читаю. Я тебе не дам подрывать мою веру. Ты только время зря потеряешь. Вы, гугеноты, такие начетчики, прямо ужас! На диспутах вы нам своей ученостью пыль в глаза пускаете, а мы, бедные католики, ни Аристотеля, ни Библии не читали и не знаем, что вам ответить. — А все потому, что вы, католики, желаете верить не рассуждая, не давая себе труда подумать, разумно это или нет. Мы действуем иначе: прежде чем что-либо защищать, а главное, прежде чем что-либо проповедовать, мы изучаем.
122. Мне легче отказаться ради тебя от жизни, чем от того, что разум мой признает за истину. Как ты думаешь: может любовь принудить меня разувериться в том, что дважды два — четыре?
123. Полно, мой ангел! Отец Жирон в лучшем виде даст нам с тобой отпущение *in articulo mortis*.
124. — Мне, мочи нет, досадно, что вы такой закоренелый еретик. Ну, я свое дело сделал — я вас предостерег. А там уж смотрите сами. Я умываю руки. Прощайте, мой мальчик.
125. На этих лицах читалась та безотчетная тревога, какую обыкновенно испытывают люди перед событием еще неизвестным, но, как говорит им сердце, мрачным.
126. — Гугенотов, — отвечал Бертран. — Не надо быть колдуном, чтобы догадаться. Всем известно, что гугеноты заимствовали свою веру у немцев, а немцы — наши враги, что-что, а это уж я знаю наверное: мне в них не раз приходилось стрелять, особенно под Сен-Кантенем — они там дрались как черти.
127. — Да, но если гугеноты возьмут верх, то первым делом они перебьют, как все равно посуду, легкоконные отряды и заменят их этими псами — немецкими рейтарами.
128. — Тем лучше для нас, — подхватил Мерлен: он во всем видел хорошую сторону. — Знай себе круши, села жги, гугеноток щекочи!
129. — И то правда, за последнее время они что-то уж очень стали нос задирать, — сказал Мерлен.
130. — Добрым католикам давно пора их проучить.
131. Это все мерзкая ложь! Король не дает распоряжений об убийствах, в крайнем случае он за них платит.
132. Его преподобие отец Мальбуш обратится к вашим солдатам с наставлением и раздаст им белые кресты — такие кресты будут у всех католиков, а то в темноте можно принять своего за еретика.
133. — Я ни за что не приму участия в избииении спящих людей.
134. — Мои конники никогда не станут заниматься ремеслом убийц, — сказал Жорж и швырнул указ прямо в лицо Морвелю. — При чем же тут убийство? — хладнокровно заметил священник. — Речь идет о справедливом возмездии еретикам.
135. Упреки капитана внесли некоторое смятение в умы солдат, но как скоро он избавил их от своего присутствия и перед ними открылась перспектива вволю пограбить, они взмахнули саблями и поклялись исполнить все, что Морвель им бы ни приказал.

136. «На ночное увеселение! — заговорил сам с собой Мержи. — Все, как видно, посвящены в тайну — все, кроме меня. А впрочем, мое дело сторона. Государь волен развлекаться и без моего участия, меня не очень-то тянет смотреть на его увеселения».
137. — Безумец! Кто ненавидит вашу ересь, тот вам и враг! Против вас вся Франция! Да, до тех пор, пока ты сам — враг господень и враг церкви, все французы обязаны быть твоими врагами.
138. Ты, кажется, была сегодня во дворце. Вот откуда, я уверен, взялась эта головная боль, которая тебя так мучает, а меня бесит! — Да, я недавно оттуда, Бернар. Я видела королеву и ушла от нее... с твердым намерением сделать последнее усилие для того, чтобы ты переменял веру... Это необходимо, это совершенно необходимо!..
139. Повторяю: умереть за тебя я готов, но уверовать в то, во что я не верю, я не в состоянии.
140. — Я не могу ради тебя сменить свои темно-русые волосы на белокурые, — продолжал он. — Я не могу в угоду тебе изменить свое телосложение. Моя вера — это, дорогая Диана, одна из частей моего тела, и оторвать ее от тела можно только вместе с жизнью. Пусть меня хоть двадцать лет поучают, я никогда не поверю, что кусок пресного хлеба...
141. — Ночью перережут всех гугенотов. Так повелел король. Все католики взяли за оружие, ни один еретик не избегнет своей участи. Церковь и Франция спасены, а вот ты погибнешь, если не отречешься от своей ложной веры!
142. — Несчастный! Что ты хочешь делать? — подбежав к нему, воскликнула графиня. — Защищаться! Я им не баран, чтобы меня резать. — Сумасшедший! Да тебя тысячи шпаг не спасут! Королевская гвардия, швейцарцы, мещане, простой народ — все принимают участие в избиении, нет ни одного гугенота, к груди которого не было бы сейчас приставлено десять кинжалов. У тебя есть только одно средство спастись от гибели — стань католиком.
143. Мержи был отважен, однако, представив себе, какими грозными опасностями чревата для него эта ночь, он на мгновение почувствовал, что в сердце к нему заползает животный страх. И тут с быстротою молнии мозг его пронзила мысль о спасении ценою отречения от веры отцов.
144. «Если отрекусь, то потом всю жизнь буду себя презирать».
145. При одной этой мысли к нему вернулась твердость духа, которую еще усилило чувство стыда за минутную слабость.
146. Жоржу пришлось идти мимо Лувра — здесь особенно свирепствовал фанатизм. В этом квартале жило много протестантов, вот почему он был наводнен католиками и гвардейцами, и они истребляли протестантов огнем и мечом. По энергическому выражению одного из тогдашних писателей, «кровь со всех сторон стекалась к реке». Нельзя было перейти улицу без риска, что на вас в любую минуту не свалится труп, выброшенный из окна.
147. Рассказывают, что в одном из дворцовых окон был виден Карл IX: вооруженный длинной аркебузой, он «стрелял по дичи», то есть по несчастным беглецам.
148. — Еще одна сука еретичка околела! — крикнул стрелявший из аркебузы. — Я не успокоюсь до тех пор, пока не ухлопаю десяток.
149. Однако нельзя же было кричать, вздыхать и плакать до бесконечности — наконец заговорили о том, как быть дальше.
150. Чернь, мечтавшая пограбить, примкнула к городскому ополчению и к солдатам.
151. У всех на устах было изречение Екатерины. Его повторяли, вырезая детей и женщин: *Che pietd lor ser crudele, che ¶rud¶tã, lor ser pietoso* — теперь человек тот, кто жесток, жесток тот, кто человечен.
152. Понимали мужество как смирение и предпочитали ореол страдальца ореолу героя.
153. Через два дня король попытался унять резню, но если дать волю низким страстям толпы, то ее уже не уймешь.
154. — Свиной? Ой, насмешили! Свиной! Да, почти что. Свины они, свины — про них верно кто-то сказал, что жили они по-свински. Вот только есть этих свиной нельзя. Это — прошу меня извинить, отец мой — гугеноты, их сжигают на берегу, шагах в ста отсюда, вот почему здесь и пахнет паленым.

155. Нет, теперь гугеноты не так скверно пахнут. Вот если б их не сжигать, вонь от них была бы — затыкай нос.
156. Видать, вчера в Орлеане потрудились на славу — Луара нанесла к нам невесть сколько этой самой еретической рыбы. Река-то мелеет, так их, что ни день, на песке находят. Вчера пошел работник с мельницы посмотреть сети — линьки не попались ли, ан там мертвая женщина: ее в живот алебардой ткнули. Смотрите: вошла сюда, а вышла аж вон там, между лопаток. Он-то, конечно, предпочел бы вместо нее здорового карпа...
157. — Стало быть, вы нынче утром хорошо поработали? — спросила Маргарита; она только что вернулась с бутылками из погреба. — Еще как! — отвечал Буа-Дофен. — Побросали в огонь и в воду больше десяти человек — мужчин, женщин, малых ребят. Да вот горе, Марго: у них гроша за душой не оказалось. Только у одной женщины кое-какая рухлядишка нашлась, а так вся эта дичь четырех собачьих подков не стоила. Да, отец мой, — обращаясь к молодому монаху, продолжал он, — мы нынче утром убивали ваших врагов — еретическую нечисть и заслужили отпущение грехов.
158. Только у одного разбойника шевельнулась совесть.
159. — Эй, отец! — сказал он. — Видите этих двух птиц? Ну так вот, сделайте милость — окрестите их.
160. Лодочник обратил внимание, что почти все плывут лицом кверху. — Они взывают к небу о мщении, — тихо сказал рейтарскому капитану Мержи.
161. Подавляющее большинство жителей Ла-Рошели перешло в реформатскую веру, и Ла-Рошель играла тогда роль столицы южных провинций и служила протестантству наиболее стойким оплотом.
162. Мещане, рыбаки, моряки, многие из которых представляли собой корсаров, рано привыкших к опасностям исполненной приключений жизни, — все они отличались энергией, заменявшей им дисциплину и военный опыт.
163. Они прониклись той действенной и грозной решимостью, которую в иных случаях придает людям отчаяние.
164. Утешился ли Бернар? Появился ли новый возлюбленный у Дианы? Это я предоставляю решить читателям — таким образом, каждый из них получит возможность закончить роман, как ему больше нравится.

Конец текста